

АЗƏРБАЙЖАН
ФИЛОЛОГИЈАСЫ
МƏСƏЛƏЛƏРИ

ВОПРОСЫ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ

выпуск II

Баку «Элм» 1984

РЕДКОЛЛЕГИЯ

М. З. Джафаров, М. З. Ширалиев, А. Ф. Заманов, Ф. Р. Зейналов,
Т. И. Гаджиев, Дж. В. Каграманов, С. С. Алиаров, В. И. Асланов,
В. Л. Гукасян, А. М. Мамедов, Ф. А. Джалилов (ответ. редактор),
А. Ш. Тагирзаде (ответ. секретарь),

Вопросы азербайджанской филологии,
выпуск II. — Баку: Элм, 1984. — 264 с.

В сборнике, подготовленном отделом «Общего и историко-типологического языкознания» Института языкознания им. Насими АН Азербайджанской ССР, затрагиваются наиболее актуальные вопросы истории азербайджанского языка, литературы, этнографии и фольклора. В свете новейших данных пересматриваются генезис азербайджанского языка, древнейшие контакты тюркских языков (в том числе азербайджанского) с другими языками Евразии, а также вопросы интерпретации отдельных обрядов и ритуалов азербайджанского народа. Авторами отдельных статей являются ведущие ученые республики.

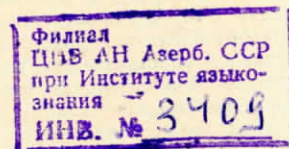
4603000000
В М—655—85 66—85

© Издательство «Элм», 1984

М. З. 11-1116
А-40

АЗЭРБАЈЧАН
ФИЛОЛОКИЈАСЫ
МӘСЭЛЭЛЭРИ

II бурахылыш

Бақы «Елм» 1984

РЕДАКСИЈА ЬЕЈӘТИ

М. З. Чәфәров, М. Ш. Ширәлијев, А. Ф. Заманов, Ф. Р. Зејналов,
Т. И. Начыјев, Ч. В. Гәһрәманов, С. С. Әлијаров, В. И. Асланов,
В. Л. Гукасјан, А. М. Мәммәдов, Ф. А. Чәлилов (мәс'ул редактор),
Ә. Ш. Таһирзадә (мәс'ул катиб)

Азәрбајҗан филолокијасы мәсәләләри,
II бурахылыш. Бакы: Елм, 1984.—264 с.

Азәрбајҗан ССР ЕА Нәсими адына Дилчилик
Институтунун «Үмуми вә тарихи-типологи дилчи-
лик» шө'бәсинин һазырладығы бу топлуда Азәр-
бајҗан халғынын дил, әдәбијат, этнографија вә
фолклорујла бағлы олдуғча кәрәкли вә тәһирә-
салынмаз мәсәләләр арашдырылыр, ән јени факт-
лары чәлб етмәклә Азәрбајҗан дилинин мәншәји,
түрк дилләринин (о сырадан Азәрбајҗан дилинин)
Аврасијаның әски гоншу дилләријлә бағлылығы,
еләчә дә Азәрбајҗан халғынын ајры-ајры адәт вә
мәрасимләринин семантик мәзмуну өјрәнилир. Мә-
галәләри республикамызын кәркәмли алимләри
јазмышлар.

4603000000
В М—655—85 66—85

© «Елм» нәширјаты, 1984.

ДИЛ ТАРИХИНИН ҮМУМИ-НӘЗӘРИ МӘСӘЛӘЛӘРИ ОБЩИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

А И Д Ы Н М А М Е Д О В

(Институт языкознания им. Насими)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВИЧНЫХ КОРНЕЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследования последних лет показали, что история развития азербайджанского языка неотделима от сложнейших этнолингвистических процессов Передней и Средней Азии, а также Кавказа и успешному разрешению ее проблем способствуют «изучение бесспорных и предположительных древних свидетельств о тюрках в зоне Азербайджана» [14, 225] и последовательное накопление, систематизация и объективная оценка фактов, которые, по мнению исследователей, являются следствием как исторически доказанных, так и теоретически допустимых контактов тюркских языков с другими языками мира, включая переднеазиатские. Причем при всей внешней идентичности эти два аспекта имеют весьма четкие и кардинальные различия. Если изучение древних свидетельств о тюрках в зоне Азербайджана в основном ограничивается датировкой начала тюркизации в регионах, входящих в состав Мидии, Атропатены и Албании, связывая эту дату с началом сложения азербайджанского языка [1, 25, 34, 35—62 и др.], то сопоставление и скрупулезный анализ фактов, свидетельствующих о реальных или предположительных связях тюркских языков с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, самоедскими, угрофинскими, древними индоевропейскими, кавказскими, древнепереднеазиатскими и т. д. решают сложные вопросы, связанные с характером, основными этапами и ареалом сложного общетюркского состояния [8, 266—267], а также с его диалектным и территориальным членением. От аргументированного решения этих вопросов и сопоставления полученных лингвистических данных с фактами из истории, археологии, этнографии, мифологии и фольклора зависит также реалистическое понимание проблемы этногенеза любого тюркского народа, любого языка тюркской семьи. Ведь именно с расселением тюркских племен (потомков

древних тюрков), которое якобы «привело к образованию после их оседания и смешения с местными народами большой группы тюркоязычных этносов от якутов и тувинцев на востоке до чувашей, гагаузов и турок на западе» [21, 24], связывают историю формирования, например, азербайджанского языка отдельные исследователи, необоснованно (мотивируя лишь традиционными схемами кочевничества), утверждая, что «начиная с XI—XIII вв. (с эпохи сельджукского и особенно монгольского завоевания) происходит процесс распространения тюркских языков в северо-западных областях Иранского нагорья, в Азербайджане» [32, 49], где ираноязычное население «переходило постепенно на тюркскую (азербайджанскую) речь и лишь относительно небольшая часть этого населения сохранила до наших дней свои иранские языки — татский, талышский, диалекты северо-западного Ирана» [32, 49]. Неправомерность подобного отношения к истории азербайджанского языка уже доказана [1, 25—67], но так как подобная модель (с некоторой разницей в датировке) без каких-либо существенных изменений применяется по отношению к отдельным тюркским языкам Средней Азии, Поволжья и даже Центральной Азии [32, 334], комплексный подход к изучению вопросов, связанных с историей формирования пратюркского (или общетюркского) языка и прародины тюркских народов становится актуальной задачей как сравнительно-исторической тюркологии, так и истории любого тюркского языка. Ведь прародина — это точка отсчета, с которой начинается миграция, и без правильного определения места нахождения этой точки выявление основных направлений и очагов так называемой «тюркизации» вряд ли пройдет без осложнений.

Подробное знакомство с соответствующей литературой показало, что хотя «представление о центральноазиатской прародине тюркских народов в наибольшей мере соответствует всем имеющимся фактам» [3, 164], однако «палеоантропологический материал, который бы относился к этому времени и к этой территории, почти полностью отсутствует, и судить об облике древних тюрков мы можем только по более поздним материалам и косвенным доказательствам. Однако если подтвердится широко принятое сейчас положение о тюркоязычности гуннов, мы получим представление об антропологическом типе древних тюрков» [3, 164]. Таким образом, представление о центрально-азиатском происхождении тюрков вызвано прежде всего теми обстоятельствами, что: а) древнетюркские памятники найдены именно здесь; б) предполагается родство тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими; в) движение монголоидности шло с во-

стока на запад; г) сюнну (первые сведения о ней появляются в древнекитайских письменных памятниках лишь в V—IV вв. до н. э.) считается одним из предков гуннов, о которых упоминают в IV—V вв. летописцы Рима и Византии, и т. д. Эти аргументы вроде бы верны, однако при внимательном анализе каждый из перечисленных пунктов может встретить не менее сильную анти-тезу: а) хотя древнетюркские памятники и обнаружены в Центральной Азии, на Алтае и в Монголии, тем не менее алфавит, которым пользовались их создатели, имеет нездешнее происхождение и является продолжением письменных традиций, широко распространенных как в Передней, так и в Малой Азии [6; 12]; б) родство тюркских языков с монгольскими, по мнению многих тюркологов, носит не генетический, а ареальный характер [9; 38]; в) палеоантропологический материал свидетельствует о том, что «население Тувы и Монголии во II и I тысячелетиях до н. э. и на рубеже н. э. не было только монголоидным, а следовательно, предположение о наличии европейской примеси в составе древних тюрков становится в свете этих материалов весьма вероятным» [3, 164]; г) некоторые палеоантропологические исследования указывают на возможность частичного смешения «европейцев с континентальными монголоидами» и в гуннской этнической среде [3, 102]; д) хотя «в исторической литературе распространена точка зрения, согласно которой одним из важных центров миграции народов считается Средняя Азия» [14, 220], многие языковые, этнографические, палеоантропологические, мифологические материалы, а также петроглифы, росписи и т. д. свидетельствуют об обратной миграции народов. «Так, в узбекском шежере, приводимом в работе Ч. И. Валиханова, в числе предков узбеков названы матиены («матиен») — народ, обитавший в древности (VI в. до н. э. — I в. н. э.) на территории Иранского Азербайджана, на берегах оз. Урми и это одно из свидетельств участия переднеазиатских компонентов в этногенезе некоторых народов Средней Азии (узбеков, каракалпаков, туркмен)» [41, 11]. Параллельно этому в «легендах о путешествии в горах Каптау—Кавказских горах—предка одного из каракалпакских племен муйтенов — Тамина нашли отражение этногенетические и этнокультурные связи народов Приаралья и Кавказа» [41, 11]. Отмечая явные связи между Хорезмом и Митанни [40, 81], С. П. Толстов указывает на то, что «античная хорезмская одежда, представленная на статуэтках нашего собрания, обнаруживает немало общих черт с одеждой малоазиатских племен, поскольку мы знаем их из хеттских, древнеперсидских рельефов и памятников греческого искус-

ства, начиная с «фригийской шапки» и высоких сапог, — столь характерной особенностью хеттской мужской одежды и, кончая всем комплексом женского костюма. Между прочим, одежда женщин наиболее прямых потомков дахо-массагетских племен Закаспия — туркмен-теке сохраняет облик, поразительно близкий к одежде цариц и богинь на древних рельефах» [40, 81—82]. С. И. Руденко, изучая изображения горно-алтайского сфинкса и различного рода грифонов (орлиных и львиных), грифов с зубчатым гребнем, некоторые композиции борьбы зверей и другое, имеющее непосредственных прототипов в хеттском и главным образом в ассирийском искусстве, отмечает, что все эти мотивы «встречаются в различной трактовке, указывающей на древние, и притом непрекращающиеся, культурные связи горно-алтайских племен с народами Средней и Передней Азии, по крайней мере, с начала II тысячелетия до н. э.» [35, 223]. Проф. Г. И. Пелих, исследуя происхождение Нарымских селькупов (Томская область), обнаружила целый комплекс постоянно повторяющихся особенностей и мифическую терминологию, поразительно совпадающих с чертами древних переднеазиатских культур конца V — нач. IV тысячелетия до н. э. [32, 95]. Такие связи Закавказья, Северного Кавказа, Дагестана, Средней Азии, Восточного Туркменистана, Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока с переднеазиатским миром, зафиксированные многими учеными [13, 43], вероятно, совпадают с интенсивным движением европеоидных форм с запада на восток в широтном направлении, которое характерно для эпохи неолита и бронзы [3, 70]. Несомненно, о широких связях переднеазиатского мира свидетельствует и так называемая «шумерская головоломка» в языкознании.

Как известно, шумерский язык генетически пытались связать со всеми языковыми семьями мира, и поводом для этого послужило то реальное обстоятельство, что, «несмотря на большое своеобразие своей грамматики, шумерский язык обнаруживает черты структурной близости со многими языками» [19, 83], включая тюркские. Но, к сожалению, эта близость, т. е. так называемые шумерско-индоевропейские, шумерско-кавказские, шумерско-суданские, шумерско-тюркские или, скажем, шумерско-венгерские языковые [19, 83] параллели, в большинстве случаев рассматривались поверхностно, без строгого учета результатов исторического изучения той или иной семьи языков, а также с нарушением ведущих требований сравнительно-исторического языкознания. Между прочим, подобного рода недостатки характерны не только для исследований, приобщающих шумерский язык к другим языкам, но и для тех, которые даже самое

верное сходство, обнаруженное между шумерским и другими языками без всяких аргументаций объявляют случайным [19, 83—84]. Поэтому в настоящее время многие ученые — как лингвисты, так и историки, предпочитают занять наиболее «удобную» позицию, объявляющую шумерский язык «изолированным» и родство его с каким бы то ни было другим языком неустановленным [19, 84].

Опыт сравнительно-исторического языкознания показывает, что «предполагаемое родство языков во всех случаях является гипотезой», которая может претендовать на правдоподобность только в том случае, если она имеет достаточное обоснование [36, 6]. В этом смысле на уровне сегодняшних знаний о языках мира следовало бы говорить не о бесполезности и ошибочности гипотез, предполагающих генетические или ареальные связи шумерского с другими языками, а, скорее, о недостаточной аргументированности и необоснованности проведенных в этом направлении работ, которые, увлекаясь многочисленными совпадениями, забыли: а) установить строгие закономерности между сравниваемыми элементами; б) согласовать эти соответствия с историческим изучением той семьи языков, с которой сравнивается шумерский, и, наконец, в) пересмотреть те хронологические и географические барьеры, которые в рамках сегодняшних теорий отделяют шумерский язык от других языков мира.

Отрицая родственные связи шумерского языка с другими, И. М. Дьяконов добавляет, что «поскольку шумерский язык отделен от почти любого «кандидата» в родственные с ним языки многими тысячами лет и километров, постольку статистическая вероятность нахождения достаточно надежных языковых «увязок» так или иначе весьма мала» [22, 93]. Применительно к тюркским языкам данная мысль справедлива лишь в том случае, если мы: 1) исходим из традиционных соображений об окончательном центральноазиатском происхождении тюркских народов и их языков; 2) факты шумерского языка сравниваем с фактами современных тюркских языков или с фактами древнетюркских памятников; 3) родиной шумеров допускаем острова и побережье Персидского залива [19, 34]. Конечно, при этих условиях сравнение шумерского языка с тюркскими действительно кажется неубедительным, ибо их разделяет огромное пространство и временной барьер минимум 3000 лет. Но ведь имеются и другие. Например, существует мнение, согласно которому шумеры пришли с востока [19, 35], с гор Ирана и Средней Азии, а следы переднеазиатской (шумерской) культуры, как мы уже указали, ведут в Закавказье, Дагестан, юго-западную Туркмению,

Индию и Сибирь. Если к вышеперечисленным фактам добавить еще и то, что «известные памятники древнетюркской письменности, открытые в Центральной Азии и Южной Сибири, показали высокий уровень дифференциации тюркских языков во второй половине I тысячелетия н. э. и позволили отодвинуть дату их формирования в I тысячелетие до н. э.» [3, 164], а до этого (т. е. до формирования тюркских языков, которые образовались не путем распада какого-то единого языка, а путем отставания тех или иных по преобладанию черт в определенных географических условиях) им «предшествовали многочисленные сложные процессы миграционного разнеса смешанных черт и распределения их по огромной территории от Енисея до Босфора» [14, 249], то гипотеза о возможности хотя бы ареальных контактов пратюркского с шумерским оказывается не только вероятной, но и нужной. Тем более, что углубление исследований, направленных на выявление шумерско-тюркских общностей и установление строгих закономерностей между элементами сравниваемых языков свидетельствуют о достаточной производительности (а не обоснованности, ибо до этого еще далеко) данной гипотезы.

Затрагивая задачи индоевропейской этимологии, Э. А. Макаев пишет, что «для любого этимологического исследования принципиально важным оказывается выяснение этимологического среза или этимологической глубины, до которой доходит исследователь» [28, 35]. Объясним это на примере. Сопоставление туркменского *уру:ғ* «род», азерб. диалектного *уруг* «поколение», каракалпакского *урык* «род», «имя», древнетюркского *уруг* «род», «имя», «семена», чувашского *вâрâ* «семья», «семена» и т. д. позволяет вычленить основу **ур-* приблизительно со значениями «зачать», «рожать», «приносить потомство», а также «оплодотворять» [45, I, 604—605]. Аналогичным образом кумыкское *урлык* «семья», «зерно», турецкое диалектное *урлук* «семья», «семена», башкирское *урлук*, ногайское *урлык* «семья», «зерно», «зачаток» и т. д., по мнению исследователей, — производное, образовавшееся с помощью аффиксо *-лык* от **ур*, об исторической реальности которого можно заключить по следующим формам: *урлаш* < **ур* + *-ла* + *-ш* «рождение», «появление», *урлашмак* < **ур* + *-лаш* + *мак* «расти», *ырама* < **ыр* + *-а* + *-ма* «быть бесплодным», «не плодиться», «не уродиться» [45, I, 604]. Таким образом, из сравнения вышеприведенных слов, а также таких, как *уркачи* (< **ур* + *-ка* + *чи*) «самка» и *урагут* (< **ур* + *-а* + *-гут*) «женщина» для общетюркского состояния можно восстанавливать глагольно-именные омоформы **ур-* / **ур* со значениями «зачать», «рожать», «приносить потомство» / «зачаток», «семья», «зерно», «род», «поколение», «плод».

Можно было бы думать, что нужная этимологическая глубина достигнута, если некоторые исследователи, поддерживающие родство тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими (т. е. сторонники алтайской теории), опираясь на соответствие типа нан., ульч. *пури-*, БК *фур'и-* ~ *фэр'и-*, орок. *пурилчу* «плодиться», «производить на свет» ~ ср. -мо. *хуре*, п. -мо. *уре*, *уре* — *сун*, монг. *ур* «плод», «семья», «зерно», «следствие», «результат», «плоды», бур. *ури* ~ *урэ* «ребенок», «дитя» ~ тюрк. *уру:ғ* «род», «семья» и т. д. для общетюркского корня **ур* не восстанавливали бы наиболее раннюю (значит, этимологически более глубокую) стадию *п'ури-*, которая, подвергаясь влиянию закона Рамстедта-Пеллио (*n* > *ф* > *h* > *о*), приобрела общетюркскую форму. При этом особый интерес представляет то обстоятельство, что общетюркские корни **ур-* / *ур*, которые с точки зрения алтайской теории являются инновациями (**п'ури-* > *ур-*), соответствует шумерскому *ур₇*, *ур₆* со значениями «время метания икры», «нерест», «родство», «родственники», «родня», причем на справедливость данного сравнения (т. е. фактов шумерского и тюркского языков) указывают следующие моменты. В памятнике тюркских языков Ertuhfet [45, 604] зафиксированы формы *ургук*, *урук* со значением «щенок», позволяющие вычленить именной корень **ур*, который может быть поставлен в один ряд с шумерским *ур* «собака»; тем более, что понятие «щенок» здесь (т. е. в шумерском) обозначается сочетанием *ур* — *тур* (букв: «собака — маленький», «собака — молодой», «собака — сын» [47, 235]). Кроме того, восстановленные для общетюркского состояния отдельные синкретичные корни, омонимичные (или сходные) с **ур-* / *ур*, имеют такие же омонимичные соответствия в шумерском языке. Например, общетюркский глагольный корень **ор-* (тюрк. *ор-*; тат., баш. *ур-*, чув. *выр-*) со значениями «жать», «собрать урожай», «пожинать (> *ор-* + *ак* «серп») и т. д. как фонетически, так и всеми семантическими оттенками соответствует шумерскому глаголу *ур-* «жать», «собрать урожай» и «пожинать» [47, 594]. Или другой случай. Касаясь возможностей структурирования глагольной основы *орт-* «покрывать», «закрывать», «укрывать» и т. д., исследователи указывают на возможность восстановления общетюркского синкретичного корня **өр-* / *өр* со значениями «покрывать» / «то, чем покрывают», который, с одной стороны, имеет непосредственную связь с общетюркскими основами *өр* / *өр-* «верх» / «подниматься», а с другой — может быть поставлен в один ряд с шумерским словом *ур* [47, 255] «кровля», «крыша», «навес», «терраса» (т. е., «то, чем покрывают» или «то, что возвышается над чем-то»). Правомерность данного сравнения подтверждается также сле-

дующими доводами: а) среди немногочисленных и древних производных общетюркского глагола *орт-* имеется существительное *ортмен* со значениями «навес», «крыша», «кровля» [45, I, 552]; б) употребляясь с детерминативом *гиш* (дерево), шумерское *úr* (*гиш_{ур}*) имеет значение «опора», «столб», «подпорка», которое совпадает с широко распространенной в тюркских языках производной основой *ө:ре / өре / үрә* (< *ө:р* «подниматься», «возвышение») «столб», «колонна», «вверх», «наверх» [45, I, 543], причем во втором случае шумерский *гиш_{ур}* «опора», «столб» соответствует тюркскому *уру / уру-* (ср. *уру дурмак* «стоять на ногах», *өр тур-* «вставать на ноги», *өр үстү* «на ногах», «стоя» [45, I, 543]. Ко всему сказанному следует добавить еще то, что зафиксированные в шумерских текстах слова *úr* «боронить», «рыть», «копать», «рыть канаву» [47, 255], *уру* «город», «круг», «окружность» [47, 38], *úr* «бедро», «ляжка», «середина», «основание» [47, 203], *ур* «легкое» [47, 401] и т. д. имеют верное сходство с соответствующими общетюркскими корнями и образуют строгую систему, где как шумерская, так и тюркская сторона состоит из омонимичных основ:

Шумерские

ур₇ (*уру₆*) «нерест», «металлические икры», «родство», «родня», «семейные связи»

ур₄ «жать», «собирать урожай», «пожинать»

úr «кровля», «крыша», «навес», «терраса»; *úr гиш* «опора», «столб», «подпорка»

úr «боронить», «рыть», «копать канаву»

уру «город», «круг», «окружность», «круглая поверхность»

Тюркские

**ур / ур-* «семя», «плод», «род», «зачаток», «зачать», «оплодотворить» (> *ур- + ур* «род»)

**ор-* (тат., баш. *ур-*), «жать», «собирать урожай», «пожинать» (> *ор- + -(а)к* «серп»).

**өр / *ор-* «покрытие» / «покрывать» (*өрт* «покрывай»); **өр / *өр-* «вверх» / «подниматься» (> *ө:ре* «столб», «колонна», *уру тур* «стой прямо»)

**өр / *өр-* «рыть», «копать», «ров», «канава», «яма» [45, I, 467].

**ор / *ор-* или **ур / *ур-* «город», «окружность», «место расположения» / «оградить», «окружить», «расположить» [45, I, 601]

ур «бедро», «ляжка», «расстояние от поясицы до колен сидящего человека»

ур «легкое»

*ор «середина», «средний», «внутренность» (> *орта* «середина», а также, возможно, *өз* «сердцевина» (> *өзек* «пупок»): ср. чув. *вар, варä* «сердцевина»)

ур- «дуть», «надувать», «выдувать» и т. д. (возможно, и *ур + эк* «сердце?»).

Как показывают вышеприведенные примеры, шумерские слова с узким оглубленным гласным *у* на тюркской почве соответствуют вариантам, различающимся по признакам, — «твердый — мягкий», «широкий — узкий». Данное явление закономерно вытекает из специфики исторического развития вокализма тюркских языков и подтверждается также другими шумерско-тюркскими параллелями. Например, шумерские *угú, угún* [47, 412] «рожать», «производить на свет», «порождать», «создавать» и *үг, унг, уку* «народ», «население», «люди» [47, 312] вместе с древнетюркским *ук* «потомство», «род», «порода», «происхождение» документируют правильность предположения Э. В. Севортяна о том, что основу общетюркских слов *огул* «сын», *огуш* «поколение», *укуш* «поколение», *оглан* «молодой человек» и т. д. составляет оморфная пара имя-глагол, куда входят *оф (< **ок-?*) / *ук-* со значением «создавать», «порождать» (+ «рождать») и *оф* (< *ок-?*) / *ук* со значением «потомство», «род» [45, I, 416]. Особый интерес представляет следующее обстоятельство: в шумерском языке слово *угун* (*угу*) наряду со значением «рожать», «производить на свет» имеет также значение «отец — производитель» и «мать» [47, 412], что сближает его с общетюркским словом *өк* «мать», которое предположительно является мягким вариантом общетюркского *оф/ук* («тот, кто порождает?»). При этом подтверждается историческая реальность другого шумерско-тюркского соответствия: *угу* [47, 412] «череп», «высшая ступень», «наверху», «вышестоящий», «верхний», «то, что находится наверху (голова)» и т. д., ~ *өк* «мысль», «разум», «сознание» [45, I, 501] ~ *өк-* «думать», «размышлять» ~ *ук-* «понимать», «раздумывать», «постигать» ~ *ук* «мнение», «значение», «понимание» [45, I, 584], *жок* «высокое место» [45, I, 273], азерб. диалектное *ок* (> *охары* «наверх»). Видимо, исходным (т. е. до-тюркским) семантическим значением для *ук/ок* было «череп», «то, что находится наверху», о чем свидетельствует шумерская форма, которая уже в пратюркском, дифференцируясь, дала как

сингармонические, так и семантические разветвления *ук ~ ок ~*
~ өк «мнение», «разум» / *ук- ~ ок- ~ өк-* «поднимать», «разу-
 меть», «постигать» и *ук ~ ок ~ өк* «верх», «высокое место» / *ук- ~*
~ ок- ~ өк- (?) «подниматься?», «находиться наверху?». Таким
 образом, как и в случае с *ур*, здесь мы встречаемся с целой сис-
 темой закономерных соответствий, связанных как фонетически,
 так и семантически:

Шумерские

угу, угун «рожать», «произ-
 водить на свет», «порождать»,
 «создавать»

үг, унг, уку «народ», «насе-
 ление», «люди»

угу, угун «отец — произво-
 дитель», «мать»

угу «череп», «наверху»,
 «вышестоящий», «верхний»,
 «то, что наверху»

Тюркские

**ог-* (<*ок-*) / *ук-* «созда-
 вать», «порождать», «произво-
 дить на свет» (> *оф- + ул-*
 сын)

*оф (<*ок) / *ук* «потомство»,
 «род» (> *оф + уз* «племя»)

*өк (<?*оф) мать»

**өк-* ~ **ок-* ~ *ук-* «пони-
 мать», «размышлять» / *өк ~
 ~ *ок (>*ој*) ~ *ук* «разум»,
 «мысль» / *ук ~ *ок ~ *јок
 «высоко», «верх» / **ук-* ~ **ок-*
 ~ **јок-* «подниматься», «возвы-
 шаться».

Опыт показывает, что чем ниже этимологический срез, тем
 более эффективным и реальным оказывается восстановление кор-
 ней или структуры этимона. В этом смысле особое теорети-
 ческое значение приобретает сравнение синкретизма (глагольно-
 именной омонимии) в тюркских и шумерских языках. Случай,
 когда синкретизм зафиксирован в обоих сравниваемых языках,
 немного. Сюда можно отнести вышеотмеченное шумерско-тюрк-
 ское соответствие шум. *угу* «рожать»/«мать» ~ тюрк. *ог-/*ог*
 «рожать», «дитя», а также шум. *паг* «запирать», «закрывать»,
 «ласть в клетку» / «связь», «узы», «оковы» [45, I, 78] ~ *баг- /*
баг (*бак- / бак*) «связывать», «привязывать»/«оковы», «узы»,
 «узел» и т. д. [45, II, 15]. Во многих случаях либо синкретичная
 в шумерском языке основа в тюркских языках представлена в
 одном из значений, либо, наоборот, шумерские имя или глагол
 соответствуют тюркской синкретичной основе. Например, в шу-
 мерском языке корневое слово *гаг* представлено как в гла-
 гольном, так и в именном значении «колышек», «втыкать», «вон-

зать», «вбивать» [47, 230], но в тюркских языках зафиксировано
 только глагольное соответствие как «ударять», «бить», «стучать»
 (ср. азерб. *баша гахмаг* букв. «бить по голове»). Или другой
 случай. В шумерском языке слово-корень *каш* выступает в зна-
 чениях «бежать» и «гонщик», тогда как в тюркских языках пред-
 ставлен только глагольный корень *гач-* (*кач-*) «бежать». К этой
 категории можно отнести:

Шумерские

гум «известковый раствор»,
 «строительный материал», «то-
 лочь» / «измельчать», «разло-
 мить» [47, 191]

дур, дурун, туш «сидящий»,
 «жилище», «место стоянки» /
 / «находиться», «класть»,
 «жить» [47, 535]

һул «радость», «быть весе-
 лым», «веселиться»

ди «суждение» [47, 457].
де «обращаться», «говорить»
 [47, 338]

Тюркские

гум (~ *кум*) «песок»

дур- «стоять», «находиться»,
 «обитать» и д. [45, III, 297];
душ (~ *туш-*) «падать», «оста-
 навливаться» и т. д. [45, III,
 331].

кул- «смеяться» [45, III, 99]

де- «говорить», «сказать»,
 «обращаться» [45, III, 221—223]

Затрагивая тюркский синкретизм, исследователи отмечают,
 что «такое состояние было характерно для глубокой древности,
 когда тюркские языки имели иную типологическую структуру,
 близкую к изолирующим языкам, когда лексические и синтакси-
 ческие отношения слов и членов словосочетания и предложения
 были выражены не сочетаниями корневого морфемы с аффик-
 сальными, а сочетаниями самостоятельных лексических единиц,
 из которых постпозиционные имели значение более абстрактных,
 выражающих эти отношения. Следы синкретизма корней сохра-
 нились довольно слабо и в современных языках. Именные и гла-
 гольные корневые морфемы уже в подавляющем числе корней
 строго дифференцированы [10, 106]. Так как в шумерском языке
 сохраняется еще морфологически не оформленное состояние
 словообразования, сравнение с фактами шумерского языка поз-
 воляет убедиться в исторической реальности и древнейшем ха-
 рактере корней, восстановленных для пратюркского, где назва-
 ния имени и глагола еще не получили дифференцированного

аффиксального выражения и сохранили особенности ранних этапов формирования тюркской агглютинации. Например, в шумерском языке зафиксировано синкретичное слово *бур, бұру* [47, 11] «освободить», «избавлять», «выдавать», «освобождение», которому в тюркских языках соответствует морфологически оформленная глагольная основа *бырак-/бурак-* «оставлять», «отпускать», «освобождать», являющаяся вторичным образованием от пратюркского **быр-/*бур* [45, II, 308] с теми же значениями. Или другой случай. В шумерском языке зафиксированы *гал* «большой», *гал* «быть большим», «расти», «увеличиваться» [47, 343] и *гал-* «находиться», «быть», «присутствовать», «оказаться», «существовать» [47, 80]. Первые два синкретичных значения соответствуют древнетюркским *кал* «старик», *калын* «многочисленный», «толстый» и *калы* «подниматься», «взлететь», «прыгать», тогда третье значение совпадает с общетюркской глагольной основой *кал-* «оставаться», «сохраняться», «быть», «располагаться» и т. д. [17, 410]. Как видно, именные значения слов *кал* «старик» и *калын* «многочисленный» являются продолжением именного значения шумерского *гал* «большой», тогда как глагольное значение тюркских *кал-* «оставаться» и *калы-* «подниматься», (морфологически вторичное образование от древнего *кал-*) сохраняет глагольную семантику шумерского *гал*. К этому же разряду относятся шумерские омонимы *е* «выходить», «выехать» / *е* «выход», «выезд», «спускаться вниз», «падать», «опускаться» / *е* «спуск», «откос», «горный скат» [47, 380], *е* «дом», «жилище», «храм» [47, 324], которые, вне всякого сомнения, извещают о морфологически недифференцированном, т. е. аморфном, состоянии тюркских именных и глагольных основ *ешик* «двор», «дверь», «порог», «пространство вне помещения» [45, I, 397], *ен-* «спускаться», «падать», «понижаться» [45, I, 353], *ениш* «спуск» и *еб* (> *ев*) «дом», «жилище», «становище» [45, I, 162]. Несомненно, как в шумерском, так и в пратюркском (или, более точно, — в дотюркском) в различении подобных синкретичных основ ведущее значение имели слоговые тоны, которые считаются неотъемлемой чертой фонологической системы как шумерского, так и пратюркского языков [44, 136]. Тональными средствами различались также шумерские-дотюркские односложные основы, которые впоследствии (уже на тюркской почве) получили соответствующее оформление (как фузией, так и собственно агглютинацией).

Шумерские

Тюркские

<i>ка</i> «лицо», «рот», «пасть»	<i>кап-</i> (<i>ка + п-</i>) «хватать», «укусить» и т. д.
<i>ка</i> «дверь»	<i>капы</i> «дверь» < <i>капа-</i> «закрывать» < <i>ка- + п + а</i>
<i>са</i> «ниточка»	<i>сап</i> «ниточка» < <i>са + п</i> .
<i>са-</i> «спорить»	<i>саб</i> «слово» < <i>са-</i> «высказываться» + <i>б</i> (?)
<i>ба</i> «дарить», «дар», «предоставить»	<i>багышламаг</i> «дарить» < от <i>ба- + ф + (ы)ш</i> «предоставленные даров»
<i>ба</i> «печень», «печенка»	<i>багыр</i> «печень», «печенка» и т. д.

Вышеприведенные и ряд других материалов показывают, что шумерско-тюркские параллели, будучи реликтом дотюркской — раннешумерской аморфной структуры, начиная с пратюркского состояния подвергаются следующим изменениям: а) разложение группового сингармонизма, разрушение тональной системы, грамматикализация постпозиционных морфем и формирование сингармонизма приводят к различению как мягких, так и широких вариантов первоначального архетипа (например: *ур* → *ор*; *өр*; *үр*); б) первоначально не оформленные, не дифференцированные синкретичные глагольно-именные основы получают соответствующие показатели (фузильные и агглютинативные), вследствие чего происходит структурное расширение исходных корней (например, *е* > *ев*, *еш*, *ен* или *ба* > *багыш*, *багыр* и т. д.); в) исходная неформальная основа, став функционально основным центром — корнем агглютинативного тюркского слова, подвергается незначительным фонетическим изменениям, хотя на нынешнем этапе их выделение требует основательного этимологического анализа, причем с привлечением именно шумерских фактов. Например, анализ древнетюркской глагольно-именной производной основы *кашан* «моча», «мочиться» способствует выделению корня *каш*, об исторической реальности которого можно судить из сравнения его с шумерским словом *каш* «моча». Или другой пример. Как известно, у древних тюрков, а также у современных тюркоязычных народов, широко распространен культ богини Умай, которая, по верованиям хакасов, была хранительницей детских душ [11, 265]. В древнетюркских памят-

никах слово *ьмай* означало «послед», «детское место», «чрево матери» [17, 611]. Сравнение, с одной стороны с древнетюркским *ума* «мать» [17, 611] и общетюркским *апай* (звательная форма от *ана* «мать»), а с другой — с шумерским *ума* «старая женщина», «мать», «хранительница детей» указывает на то, что семантика *умай* связана с корнем *ума* «мать», который имеет дотюркское происхождение. Очень часто подобные этимологические разыскания способствуют также правильному прослеживанию фонетических изменений. Затрагивая древнетюркские слова *уд* (>*уд*, *уй*) «бык», «вол», «корова», «телец» [45, I, 572—573], Э. В. Севортян отмечает, что «среди современных взглядов на *уй* ~ *уд*... можно отметить точку зрения К. Броккельмана, выдавшего в *уй* ~ *уд*... культурное слово иноязычного происхождения» [45, I, 573]. Действительно, факты тюркских языков мало что могут добавить к этимологизации данного слова, тогда как привлечение шумерского материала показывает, что слово *уд* связано с шумерским *уду* «баран», «мелкий рогатый скот». Историческая реальность единого происхождения шумерского *уду* и тюркского *уд* подтверждается следующими выводами. Во-первых, зафиксированное в древнетюркском слово *удчы* «пастух», являющееся производным от *уд* «корова», совпадает с шумерским *удул₆* «волопас», «овчарка», «пастух» [47, 287], которое, несомненно, образовано от слова *уду* «баран». Во-вторых, зафиксированное в одном из шумерских текстов написание *уду* как *у-иа* (т. е. *уја*), показывает, что дентальный *д* как в шумерском, так и в тюркских языках подвергается аналогичному изменению: *д* > *д̄* > *ј*. В третьих, имеется ряд шумерско-тюркских соответствий, в которых шумерское слово сохраняет исходное (архетипное) состояние фонетического процесса:

Шумерские

уду «баран», «мелкий рогатый скот» (> *уја*).
уд, *у₄* [47, 379] «день», «время», «когда»
уды «сон» [47, 455]

Тюркские

уд «корова», «бык», «телец», «вол» (> *уд* > *уй*)
өд «время» (> *өд* > *өј* «время обеда», «полдень»)
уды — «спать» (*уды* > *ујы* > > *ују*) *уду* «сон» [17, 606].

В тюркологической литературе нередко допускают, что в начальной позиции *ј* восходит к спиранту, который в наибольшей степени сохранил свое первоначальное качество в чувашском (*с'*) и якутском (*с*) языках [44, 79—80]. Насколько правильно

данное предположение, сказать трудно, но шумерско-тюркские параллели свидетельствуют о наиболее раннем характере спиранта, выступающего на позиции тюркского *ј* — *анлауга*:

Шумерские

заг «край», «ребро атаки» [47, 332/19]
зал «блистать», *залаг* «быть чистым», «светлым» [47, 383, 393]
зар (*зор*) «волочить», «прясть» [47, 491]
сар «писать» [47, 152]

Тюркские

јак «сторона» [17, 237]
јал «воспламеняться» [47, 230]; *јалтыр* «блистать», «сверкать»; *јалтык* «блеск» [17, 230].
 азерб. диалектное *јор* «прясть», «вязать» и т. д.
јаз «писать» (*јар* «раскальвать»?).

Очень часто без привлечения шумерского материала восстановление исторически реальной структуры тюркского этимона просто невозможно. Так, например, затрагивая этимологию общетюркского слова *дири* «живой» и, ссылаясь на древнетюркское *тир* «проживать», «жить», ученые допускают историческую реальность глагольно-именной омонимии *тир / *тир, хотя на именное значение этого корня найти примеры в тюркских языках трудно. Но в шумерском языке зафиксировано слово *ти* «жизнь», которое указывает на более ранний источник тюркской синкретичной основы *тир / *тир («жить», «жизнь»). К этой же категории относятся также шумерско-тюркские соответствия: шум. *пирик* «лев» ~ тюрк. *пишик*; шум. *ага* «достоинство», «корона» ~ тюрк. *ага* «господин»; шум. *бе* «сеньор», «властелин», «повелитель» ~ тюрк. *беј* (бек); шум. *дүру* «чистый», «отстоять от примеси» (< *дур* «стоять», «оставаться») ~ тюрк. *дуру* «чистый» (> *дур* «стоять»); шум. *и*, *иа* «масло» ~ тюрк. *јаг* «масло»; шум. *шир* / *сир* «свет», «огонь» ~ тюрк. *чыраг* «то, что светится»; шум. *бал* «топор» ~ тюрк. *балта* «топор»; шум. *бар* «кувшин», «мешок», «брюхо» ~ тюрк. *бардак* «кувшин», *бардак* «мешок», «брюхо»; шум. *габ(а)* «грудь» ~ тюрк. *габаг* «грудная часть»; шум. *су-су* «течь», «мыться», «струиться», «стекать» ~ тюрк. *су* «вода»; шум. *кушу* «амфибия» ~ тюрк. *куш* «птица»; шум. *сир-га* «птица» ~ тюрк. *серче* «воробей»; шум. *амар* «житье животных» ~ тюрк. *эмэр*, *эмлик* «ягненок»; шум. *у-гыш* «трава», «дерево» (*у* «растение», *гыш* «дерево») ~ тюрк. *ы-ыгач* «дерево и кустарники», (*ы* «растение», *ыгач* «дерево»); шум. *саг* «голова» ~ тюрк. *сағ* «ум»; шум. *ы-саг* «чистое, тонкое масло» ~ тюрк. *сағ јаг* «ко-

ровые масло»; шум. *saḡ* «правильный» ~ тюрк. *saḡ* «правая сторона» и т. д.

Итак, исторические связи шумерского языка с тюркскими подтверждается многочисленными фактами, хотя определение места и датировка этих связей сопряжены с многочисленными трудностями, преодоление которых является первейшей задачей не только сравнительно-исторической тюркологии, но и истории конкретных тюркских языков (в том числе азербайджанского) потому, что именно эти сведения в сочетании с археологическими и другими данными могут ответить на вопросы: 1) не связана ли территория формирования пратюркского языка и пратюркского этноса с Передней Азией или с прилегающими к ней территориями? 2) нельзя ли говорить о первичной миграции пратюркского языка и ее носителей с запада на восток, где оба (как язык, так и носители) в результате диалектного и территориального членения и контактирования с алтайскими языками (и их носителями) приобрели новые черты (язык — развитую агглютинацию, а этнос — черты монголидности) и, начиная с эпохи великого переселения народов, снова продвигались на запад?

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Азербайжан филолокијасы масәләләри. — Баку, 1983.
- ² Асланов Г. Г. Азербайжанын тунч табәрзин балталары. — Баку, 1982.
- ³ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. — М., 1984.
- ⁴ Алиев И. Г. История Мидии. — Баку, 1960.
- ⁵ Алтайские этимологии. — Л., 1984.
- ⁶ Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун. — *Вопр. языкознания*, 1978, № 2.
- ⁷ Антонова Е. В. К вопросу о значении антропоморфных изображений дописьменной эпохи. (Передняя и Средняя Азия). — В кн.: Древность и средневековые народы Средней Азии. — М., 1978.
- ⁸ Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1971.
- ⁹ Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. — М., 1981.
- ¹⁰ Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. — М., 1979.
- ¹¹ Буганов В. Я. Культ богини Умай у хакасов. — В кн.: Этнография народов СССР. — Новосибирск, 1984.
- ¹² Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. — Л., 1983.
- ¹³ Восточный Туркестан и Средняя Азия. — М., 1984.
- ¹⁴ Гаджиева Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. — М., 1979.
- ¹⁵ Грозный Б. Древнейшие судьбы Передней Азии. — *Вестн. древней истории*, 1940, № 3—4.
- ¹⁶ Джафаров Г. Ф. Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа: По арх. мат-лам Азербайджана. — Баку, 1984.

- ¹⁷ Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
- ¹⁸ Древний Восток и мировая культура. — М., 1981.
- ¹⁹ Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. — М., 1967.
- ²⁰ Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. — М., 1980.
- ²¹ Еремеев Д. Е. Роль кочевников в этнической истории. — В кн.: Расы и народы. — М., 1982, т. 12.
- ²² История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. — М., 1983.
- ²³ Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. — М., 1981.
- ²⁴ Кикнадзе З. Г. Шумеро-картвельские языковые параллели. — В кн.: Вопросы древней истории. Тбилиси, 1973.
- ²⁵ Котович В. М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии. — В кн.: Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. — М., 1983.
- ²⁶ Крюков М. В., Переломов А. С., Садронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. — М., 1983.
- ²⁷ Культура и искусство древнего Хорезма. — М., 1981.
- ²⁸ Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. — М., 1970.
- ²⁹ Массон В. М. Алтын-депе: Тр. ЮТАКЭ. — Л., 1981.
- ³⁰ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения северной Месопотамии. — М., 1981.
- ³¹ Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. — Л., 1980.
- ³² Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. — М., 1979.
- ³³ Петлих Г. И. Происхождение селькупов. — Томск, 1972.
- ³⁴ Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. — М., 1980.
- ³⁵ Руденко С. И. Горно-алтайские находки и скифы. — М.—Л., 1952.
- ³⁶ Серебренников Б. А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков. — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. — М., 1982.
- ³⁷ Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. — М., 1983.
- ³⁸ Серебренников Б. А., Харьковская С. С. О некоторых эффективных методах исследования проблемы родства тюркских и монгольских языков. — *Сов. тюркология*, 1983, № 5.
- ³⁹ Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. — М., 1981.
- ⁴⁰ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М.—Л., 1948.
- ⁴¹ Толстов Л. С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов: На среднеазиатском материале. — В кн.: Фольклор и историческая этнография. — М., 1983.
- ⁴² Тураев Б. А. История древнего Востока. — Л., 1966, т. I.
- ⁴³ Чагдуров С. Ш. Происхождение Гэсэриады. — Новосибирск, 1980.
- ⁴⁴ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970.
- ⁴⁵ Этимологический словарь тюркских языков / Сост. Э. В. Севортян. — М., 1974, т. I; 1978, т. II; 1980, т. III.
- ⁴⁶ Gostony C. G. Dictionnaire d'étymologie sumérienne et grammaire comparée. — Paris, 1975.
- ⁴⁷ Labat R. Manuel d'épigraphie akkadienne (signes, syllabaire, idéogrammes). — Paris, 1952.
- ⁴⁸ Limet H. L'anthroponyme sumérienne dans les documents de la 3e dynastie d'Ur. — Paris, 1968.
- ⁴⁹ Fähnrich H. Das Sumerische und die Kartwelsprachen. — *Georgica*. Jena — Tbilissi, 1981, N 4, S. 89—101.